

НЫНЕШНЕЕ поколение зрителей почти ничего не знает о Зеркаловой. Она не снималась в кино, не дождалась телевидения. Не знаю, будут ли писать о Дарье Васильевне и искусствоведы, теоретики театрального искусства. У меня же есть о ней свое и очень определенное представление как об актрисе блестящей, искрометной и тонкой — великолепном мастере, своеобразной «звезде» 40—50-х годов, последние годы которой были трагичны, как всегда трагичен уход большого мастера.

Мне не довелось быть свидетельницей ее репетиционных поисков, не знала и секретов ее работы над ролью: Дарья Васильевна держалась в театре особняком, ни с кем не делилась тайнами своей творческой лаборатории. Знаю только, что приходила она на репетицию всегда подготовленной, с основательно продуманным материалом.

В иные годы я знала ее по радиоспектаклям, где отточенное мастерство, доведенные до филигранности интонации, своеобразие ее речи со сглатываемыми «л», придававшее ей неповторимость и особое обаяние, — запоминались и завораживали. Знала ее имя и по газетам и журналам, где оно звучало только в восторженных интонациях. И, думая о ней, ощущала, что перед нами если не перава, то одна из первых актрис Москвы сороковых годов.

Когда я вступила в труппу Малого театра, Зеркалова была в зените славы — на нее ходили, ее новых работ ждали.

Это была актриса своих красок, своих ролей, своих пристрастий. У нее была своя школа, польза которую, умела она хозяйствовать в роли уверенно, мастерски, плетя кружева и всякий раз удивляя зрительный зал. А залом владеть она умела.

От всех окружающих ее актеров, смиренно ожидавших подсказок режиссера в коллективной работе за столом, она отличалась тем, что работала над ролью самостоятельно. Думаю, этому научила ее провинция, из которой пришла она на столичную сцену и где

О НЕЙ НЕ ВСПОМНИЛИ

Соб. Кривобура. — 1994. — Сент. — С. 11

В начале апреля нынешнего года народной артистке РСФСР Дарье Васильевне Зеркаловой исполнилось бы девяносто лет

не всегда можно было довериться режиссеру. И, если быть строгим, работы ее отличались поэтом некоторой «отделенностью» от партнера. Но вспомним, что театр сороковых годов и отличался от театра нынешнего именно такими, несколько вырывающимися из общего ряда мастерами, умевшими покорять частностями и великолепными деталями, которыми расцвечивали они свои роли, как бы фиксируя этим свое мастерство. Дарья Васильевна, безусловно, «грешила» некоторым гастролерством, но я думаю, что именно это и притягивало к ней — у нее, несомненно, был свой зритель.

Создавая образы разные, она всегда оставалась Зеркаловой — актрисой неожиданной, умной, интересной, до мельчайших деталей обживающей каждую фразу, каждую секунду своей жизни на сцене. И некоторую остановку ее дальнейшего движения вперед, в которой впоследствии обвиняли ее некоторые режиссеры, я объясняю именно тем, что она боялась расстаться с теми, любимыми ею красками, в которых была сильна, с тем арсеналом собственных секретов и ходов, которые накоплены были годами и действовали безотказно. И здесь она купалась в своем умении плести кружева.

Когда-то, увидев Зеркалову в «Мещанах» в Театре Советской Армии, Вл. И. Немирович-Данченко признался, что «дав-

но так не увлекался актерским талантом», назвав Зеркалову «чудесным, большим дарованием».

Впервые увидела я Дарью Васильевну в роли Элизы в «Пигмалионе» Б. Шоу, роли, принесшей ей наибольшую популярность. (За эту роль, одной из первых в советском театре, она была удостоена Государственной премии). Успех она имела огромный.

Ее Элиза в отличие от других исполнительниц этой знаменитой роли в фильме и мюзикла, была не просто подростком — жительницей трущоб, гадким утенком становившимся светской леди, — это был с первых же реплик характер одержимый, дерзкий, очень самостоятельный, девушка умная и талантливая. Образ лепился актрисой как бы в нескольких измерениях: крикливая продавщица цветов, нелепо выражающая свои эмоции; все та же цветочница, надевшая старинную теткинскую шляпу, явившаяся в дом Хиггинса с надеждой получить за свой шиллинг профессию продавщицы в цветочном магазине; очаровательная, несколько чересчур воспитанная светская мисс, в которой прежние непосредственные выходки диссонансом врываются в образ respectable леди. Затем являлась уставшая от напряжения, прекрасная молодая женщина, познавшая трагическую безнадежность своего существования в великосветском обществе, и, наконец, полное

торжество духовного созревания и ликование молодой души, освободившейся от зависимости — души, парящей в сознании своей победы! Выход ее после бала был ослепителен. Входила она неторопливо, элегантно, красивая, внутренне разбитая, но не сломленная, а готовая к сражению. Сидела долго. Неподвижно. И здесь работало ее великолепное умение слушать — паузы Зеркаловой были всегда насыщены действием.

Наконец, я встретилась с Дарьей Васильевной в трагедии Лессинга «Эмилия Галотти». Вошла она в спектакль не сразу, по собственному желанию. И принесла с собой собственное толкование роли. Образ графини Орсины обычно трактовался как образ своенравной кокетки, Зеркалова же не играла куртизанку, она раскрывала трагедию оскорбленной души. И спектакль обретал совсем другое, и я сказала бы, более высокое звучание. Она не входила, а врвалась на сцену, принося с собой нетерпение взволнованного сердца, врвалась, дрожа от негодования, с ходу бросающаяся в действие отчаянной репликой: «Дайте мне дорогу!» Она несла возмездие. Тонкий черный плащ струился за ее спиной, словно это влетала черная птица с распахнутыми крыльями, удивительные глаза ее метали молнии.

Зеркалова много знала и много умела. Такого умения не хватает многим актрисам

нашего поколения. Она умела быть на сцене значительной, эффектной, шикарной без театральности. Как грациозно и лукаво завлекала она Петра в «Мещанах», сколько изюминки было в ее Глафире в «Волках и овцах». Ей была доступна воспитательная небрежность в выбросе эффектных фраз и отличное умение пользоваться некоторой ограниченностью гэгов данных. А каким шикарным и пластичным был ее уход в «Веере леди Уиндермиер», когда, поднимаясь по лестнице, миссис Эрлин бросала свою знаменитую реплику: «Приходите ко мне завтракать, в пятницу!» И всегда следовали аплодисменты.

Но, пожалуй, более всех других работ пленяла меня ее Евгения Гранде. Ах, как соблазнительно было окрасить первую часть роли лиризмом, инфантильностью, чтобы закончить мрачной холодностью. Но ее Евгения и в розовой своей влюбленности в Шарля оставалась дочерью Гранде. В ней чувствовался до поры до времени дремавший непокорный характер — сильный и страстный. И роль обретала поэтому силу сдержанности, силу тайной, глубоко спрятанной любви — никакого смирения, казалось бы, заложенного Бальзаком в этот образ. Любовь ее была энергичной, деятельной, она мужала на наших глазах и на наших же глазах охлаждала к жизни, вместе с миллионом запирая в сейф свое сердце.

Последние годы Дарьи Васильевны были горькими, но, впрочем, случается это со всеми актрисами, чей возраст не встречает в театре сочувствия. И надо сказать, что она достойно разделила участь многих незаслуженно забытых актрис, бесслвно доживавших свой век. Она страдала нравственно, молчала и ждала, что о ней вспомнят. О ней не вспомнили.

Т. ЕРЕМЕЕВА,
народная артистка
РСФСР.

● В роли миссис Эрлин. «Веер леди Уиндермиер» О. Уайльда.